

ристского правительства, отраженный в периодической печати, был также очень далек от идеала. На страницах советской периодической печати лейбористское правительство изображалось как «орудие буржуазии», а сами лейбористы выступали партией, не выполняющей свои предвыборные обязательства и не оправдывающей название «рабочей» [2]. Сама Великобритания все так же виделась основным врагом для Советского Союза, а вероятность перехода к военным действиям оценивалась достаточно высоко: «Сейчас более чем когда-либо гигантски обостряется опасность войны, опасность интервенции со стороны мировых хищников капитала» [7, с. 2].

Заключение. Таким образом, формировавшийся в 20-е гг. XX в. на страницах советской периодической печати образ «внешнего врага» развивался по принципу дихотомии. Передовому советскому лагерю, освобожденному от буржуазной эксплуатации, противопоставлялся консервативный капиталистический лагерь, активно проводящий политику империализма. Главным антагонистом в глазах советского гражданина становится Великобритания, особое внимание уделяется и ее политическим лидерам. В условиях возрастания напряжения между двумя державами в конце 1920-х гг. образ «внешнего врага» особенно ярко отражается в карикатурной форме на страницах журналов «Крокодил», «Смехач» и др.

1. Голубев, А.В. «Если мир обрушится на нашу республику»: советское общество и внешняя угроза в 1922 – 1941 года. – М., Директ Медиа, 2019. – 384 с.
2. Лунёв, С.М. Экономический кризис в Великобритании: освещение в советской прессе 1929–1933 гг. // Наука. Общество. Оборона. – 2022. – № 3 (32).
3. Меринов, В.Ю. «Сквозь магический кристалл»: карикатура и карикатуризация реальности в советской центральной прессе 1920-х годов (на примере газеты «Правда») // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. – 2016. – № 4 (10). – С. 27–39.
4. Вашик. Метаморфозы зла: немецко-русские образы врага в плакатной пропаганде 30–50-х годов. Пер. Аркадия Перлова // Образ врага. / сост. Л. Гудков; ред. Н. Конрадова. – М.: ОГИ, 0-23 2005. – 334 с.
5. Голубев, А.В. Чемберлен, Гитлер и другие: образы врагов в советской карикатуре 1922–1939 годов // РСМ. – 2008. – № 1.
6. Крумин Г. Развернутое социалистическое наступление // Известия. – 1930. – № 308.

ГЕОГРАФИЯ АБИТУРИЕНТОВ ГУМАНИТАРНЫХ ФАКУЛЬТЕТОВ ПСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА (1945–1949)

Штацкая А.М.,

магистрант ПсковГУ, г. Псков, Российская Федерация

Научный руководитель – Алиева Л.В., канд. ист. наук, доцент

Ключевые слова. История образования, география абитуриентов, послевоенное восстановление хозяйства, история Псковского края, история Псковского государственного педагогического института.

Keywords. History of education, geography of applicants, post-war restoration of the economy, history of the Pskov region, history of the Pskov State Pedagogical Institute.

Изучая исторические особенности внутренних миграционных процессов в России, особого внимания заслуживает тема учебной миграции молодых людей, особенно в контексте крупных исторических сломов, таких как, например, Великая Отечественная война. Коллективный социально-исторический портрет студенчества первых послевоенных лет сам по себе представляет собой интересную тему для исследования, и важным штрихом к такому портрету являются сведения о том, какова была география приема в высшие учебные заведения после войны. В этом контексте весьма показателен пример Псковского государственного педагогического института. Псковская область стала регионом, который вынес самую длительную оккупацию, понес огромные потери, которые измерялись в 46 млрд. рублей, что составляло 19 % общего ущерба РСФСР [9, с. 13]. Самой большой потерей была гибель людей в годы войны. Если до войны на территории области проживало около 1,5 млн человек, то в конце 1944 г. только 0,5 млн человек [9, с. 14]. Сильное влияние на демографические параметры области также оказали процессы эва-

куации и последующей реэвакуации. За два с лишним года (конец 1944–1946 гг.) в область прибыли 26386 чел. реэвакуированных. «Случалось, что в некоторых районах число прибывших было большим, чем значилось эвакуированных в начале войны: люди, не проживавшие до 1941 г. на Псковщине, приезжали теперь к своим родственникам, а также вместе с псковичами, с которыми познакомились в эвакуации» [10, с. 467]. Не меньшее влияние на выбор жизненного сценария и, соответственно, на миграционные процессы оказывали гибель родных и близких на войне, изменения условий трудовой карьеры у родственников, падение уровня жизни, материальные обстоятельства и многое другое.

Цель исследования – рассмотреть географию абитуриентов гуманитарных факультетов Псковского государственного педагогического института (1945–1949).

Материал и методы. Можно сформулировать гипотезу о том, что география абитуриентов первых послевоенных лет деятельности Псковского государственного педагогического института (ПГПИ), восстановленного в 1945 г., была очень разнообразна. Для проверки гипотезы мы обратились к личным делам студентов гуманитарных факультетов ПГПИ за 1948–1953 гг., сформированным по годам выпуска. Указанные выпускники поступали в вуз в 1945–1949 гг. За обозначенный хронологический период в архиве Псковского государственного университета – правопреемника ПГПИ – хранятся личные дела 279 выпускников исторического и литературного факультетов. Соответственно, можно говорить о репрезентативности выборки.

Результаты и их обсуждение. Первый послевоенный выпуск на гуманитарных факультетах (1948 г.) интересен тем, что все семь выпускников, чьи личные дела находятся в сохранности, были приняты на обучение в разные годы (от 1945 г. до 1947 г.) и сразу на 2–4 курсы переводом из других вузов СССР (Сталинский педагогический институт (ныне Донецкий национальный университет), Краснодарский педагогический институт) и на основании наличия неоконченного высшего образования, прерванного войной – так две абитуриентки из Эстонской ССР и Ленинградской области в свое время начинали обучение в Башкирском педагогическом институте и в Белорусском государственном университете соответственно. Для остальных студентов поводом для сокращения срока обучения стало наличие педагогического среднего профессионального образования, полученного так же за пределами Псковской области – в Московской и Новосибирской областях. Ни один будущий выпускник 1948 г. не указал г. Псков или Псковский регион как место жительства или рождения. Мотивацию переезда на Псковщину обозначила в своей автобиографии только одна абитуриентка – ее мужа перевели по службе в г. Псков [1, л. 9].

По ходу изучения личных дел трех последующих годов выпуска (1949–1951) складывается более типичная для регионального вуза статистика. Выпуск 1949 г. уже на 68% (21 человек из 31) сформирован из местных абитуриентов. Десять абитуриентов приехали на Псковщину из других регионов и союзных республик. Семеро из них были зачислены в ПГПИ путем перевода из других вузов или на основании наличия неоконченного высшего образования, прерванного войной. Двое обозначили мотивацией переезда в Псков семейные обстоятельства. Одна из студенток, приехавшая из Удмуртии, была уроженкой г. Новгорода, эвакуированная во время войны в Удмуртскую ССР и пожелавшая вернуться на Северо-Запад РСФСР [2, л. 58]. Абитуриентка из Туркмении так же родилась недалеко от Псковского региона, в г. Ленинграде, но в 1937 году ее семья отбыла в Туркменскую ССР после того, как «отца арестовали», о чем она пишет в своей автобиографии [2, л. 51].

Примерно то же процентное соотношение между местными и неместными абитуриентами наблюдается и в документах личных дел выпускников 1950 г., которые поступали в ПГПИ в 1946–47 гг. 69 % студентов (33 человека из 48) были выходцами из Псковской области в ее современных границах. 15 абитуриентов прибыли из разных концов Советского Союза – от Эстонской до Киргизской ССР. Пятеро из них поступили в Псковский пединститут переводом из других вузов.

Из 60 личных дел 1951 г. выпуска, поступавшего в основном в 1947 г., в семи нет сведений об адресе абитуриентов. Из оставшихся 53 дел – 33 дела оформлены на жителей Псковской области (62 %). География двадцати неместных абитуриентов остается все такой же обширной – от Белорусской ССР до Кемеровской области.

Интересен тот факт, что, начиная с приемной кампании 1947 г., в личные дела студентов стали подшиваться предъявляемые абитуриентами справки о прохождении вступительных испытаний в других вузах. Чаще всего это были справки из Ленинградского государственного педагогического института имени А.И. Герцена и Смоленского государственного педагогического института. Абитуриенты не проходили вступительные испытания или вынуждены были отказаться от зачисления из-за нехватки мест в общежитиях, и тогда на выручку приходил соседний Псков. Указанные справки встречаются в 27 % охваченных исследованием личных делах.

Далее география абитуриентов продолжает расширяться. Из 71 выпускника 1952 г., подавляющее большинство из которых поступали в 1948 г., 69 указали свое место жительства. И здесь складывается необычная для регионального вуза ситуация: большинство абитуриентов (41 человек, 59 %) приехали на Псковщину из других регионов СССР. Тот же расклад наблюдается и в документах выпускников 1953 г., поступавших в 1949 г. Из 62 выпускников чуть больше половины – 33 человека – так же прибыли не из Псковской области.

Далеко не все абитуриенты поясняли в своих автобиографиях или заявлениях мотивацию выбора Псковского педагогического института для получения или продолжения образования. Но те молодые люди, которые о такой мотивации говорили, указывали на следующие причины переезда в г. Псков: 1) семейные обстоятельства; 2) наличие родственников в городе, которые могли помочь материально; 3) неудавшаяся попытка поступления в вуз соседнего региона; 4) перевод по службе – собственный, супруга или родителей. В некоторых причинах косвенно угадывается влияние последствий Великой Отечественной войны. Часть абитуриентов указывали на это влияние прямо. Так, один из выпускников исторического факультета, бывший фронтовик, в своей автобиографии пишет: «В 1945 году поступаю в Белорусский государственный университет на истфак. В виду открытия ран – опять в госпитале, из-за этого прекращаю учебу. Сейчас приехал к брату в г. Псков, где он работает в райвоенкомате. Сейчас решил поступить в Псковский институт, ввиду экономической поддержки брата» [3, л. 66].

Возвращаясь непосредственно к географии абитуриентов, можно подвести следующие итоги: из 270 человек, указавших свой домашний адрес, 126 приехали на учебу в г. Псков из других регионов СССР (47 %), а 144 были псковичами (53 %). Соотношение примерно равное, но небольшой перевес остается за жителями Псковской области. Но следует иметь в виду, что не все из них были коренными псковичами. При сопоставлении информации о месте жительства и месте рождения видно, что 35 выпускников-псковичей родились за пределами региона. Многие из них в детстве переехали в Псковскую область по причине перевода родителей на другое место работы.

Из 126 неместных абитуриентов большинство приехали из Смоленской (21), Новгородской (11), Ленинградской (8), Калининской (8) областей, из Краснодарского края (9), из Белорусской (6) и Украинской (6) ССР. Всего география абитуриентов ПГПИ насчитывает 8 союзных республик и 30 регионов РСФСР – от Мурманской области (4) на севере до Туркменской ССР (1) на юге, от Латвийской ССР (2) на западе до Читинской области (1) на востоке.

Заключение. Таким образом, становится очевидно, что человеческий капитал Псковщины, класс образованной молодежи, класс местной интеллигенции формировался во многом благодаря активной учебной миграции населения со всего Советского Союза. Можно предположить, что пример Пскова не является уникальным и подобное можно сказать и про другие регионы СССР, пострадавшие во время Великой Отечественной войны.

1. Архив Псковского государственного университета (далее – Архив ПсковГУ). Д. 48 (1948).

2. Архив ПсковГУ. Д. 77 (1949).

3. Архив ПсковГУ. Д. 102 (1950).

4. Архив ПсковГУ. Д. 132 (1951).

5. Архив ПсковГУ. Д. 136 (1951).

6. Архив ПсковГУ. Д. 185 (1952).

7. Архив ПсковГУ. Д. 225 (1953).

8. Архив ПсковГУ. Д. 226 (1953).

9. Псковская область в цифрах. 2020: Краткий статистический сборник (к 75-летию Победы в Великой Отечественной войне) / Псковстат: Псков, 2020. С. 13–14.

10. Филимонов, А.В. Ревэвакуация жителей Псковской области (1944–1948 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. № 4. С. 467.